

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

≈ 77 мин

### ВВЕДЕНИЕ

*«История показывает, что ни один господствующий класс не сходит с арены по доброй воле. Капиталистам принадлежат правительства, армии, полиция. Вы не думаете, что капиталисты используют весь этот аппарат, чтобы удержаться у власти? Я думаю, это будет именно так».*

*Джек Лондон<sup>1</sup>*

Джек Лондон известен своими произведениями о волевых людях, морских приключениях и диком Севере, однако в своей жизни и творчестве он также отметился как социалист и пропагандист. Писатель не единожды заявлял о своей приверженности идеям социализма, а многие его произведения полны критики капиталистического строя. На сайте Lenin Crew ранее выходила статья о романе «Мартин Иден»<sup>2</sup>, который разоблачает лицемерие буржуазного общества и рисует печальную судьбу человека-творца в данных общественных отношениях. Литературное наследие Лондона достаточно богато, и «Мартин Иден» — не единственное произведение, представляющее интерес для марксистов. Рассмотрим роман «Железная пята», который, по словам А. Луначарского, можно отнести в разряд первых подлинных произведений социалистической литературы<sup>3</sup>. Произведение отражает опасения писателя по поводу приближающегося фашизма. Этот термин Джек Лондон не использует, но в «Железной пяте олигархии» (так называет автор террористическую диктатуру крупной буржуазии) легко угадываются черты фашизма. Изображение наступающей реакции принесло роману известность, его прозвали

книгой-предсказанием. Но не только этим ценен труд Лондона. В книге подвергается безжалостной критике буржуазный строй, популяризируются идеи марксизма и выведены образы пламенных революционеров. Однако прежде чем перейти непосредственно к анализу произведения, необходимо проследить путь Джека Лондона как социалиста — это позволит лучше понять замысел романа.

## ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ

*«У революционеров я встретил возвышенную веру в человека, горячую преданность идеалам, радость бескорыстия, самоотречения и мученичества. Жизнь здесь была чистой, благородной, живой. Жизнь здесь восстановила себя в правах и стала изумительна и великолепна».*

*Дж. Лондон*

Итак, как же Джек Лондон стал «красным»? Об этом сам автор рассказывает в статьях «Что значит для меня жизнь»<sup>4</sup> и «Как я стал социалистом»<sup>5</sup> :

*«Я родился в рабочей среде... Жизнь здесь не давала ничего, кроме убожества и уродства тела и духа...»*

Рано познал он и прелести эксплуатации:

*«У меня были крепкие мускулы, и капиталисты выжимали из них деньги, а я — весьма скудное пропитание. Я был матросом, грузчиком, бродягой; работал на консервном заводе, на фабриках, в прачечных; косил траву,*

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*выколачивал ковры, мыл окна. И никогда не пользовался плодами своих трудов!»*

Тем не менее, раннему Джеку Лондону был свойственен индивидуализм, вера в сверхчеловека (что будет отображаться и в некоторых его произведениях). Он «слагал гимны сильной личности», представлял себя «белокурой бестией» Ницше и никогда бы не поверил, что может опуститься на дно общества.

Некоторое время Лондон бродяжничал и во время своего путешествия столкнулся с разными слоями общества... Это знакомство помогло ему распрощаться с иллюзиями по поводу «сильных людей»:

*«Я встретил здесь самых разнообразных людей, многие из них были в прошлом такими же молодцами, как я, такими же „белокуроыми бестиями“, — этих матросов, солдат, рабочих смял, искалечил, лишил человеческого облика тяжёлый труд и вечно подстерегающее несчастье, а хозяева бросили их, как старых кляч, на произвол судьбы».*

Вскоре Джек возненавидел физический труд, что стало одной из причин становления его как писателя. Увидев вопиющее социальное неравенство и людей, калечащих тело и душу каторжным трудом, он дал себе клятву более не работать физически. После решения встать на путь интеллектуального труда Джек активно занимался самообразованием:

*«Я вернулся в Калифорнию и погрузился в чтение книг. Готовясь к тому, чтобы стать торговцем мозгом, я невольно углубился в область социологии. И тут я нашёл научное обоснование тех простых социологических идей, до*

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*которых додумался самостоятельно».*

Однако главную роль в его преображении сыграли не книги, а окружающая действительность:

*«Книги лишь объяснили мне, что это такое, а именно, что я социалист... Ни один экономический или логический довод, ни одно самое убедительное свидетельство неизбежности социализма не оказало на меня того глубокого воздействия, какое я испытал в тот день, когда впервые увидел вокруг себя стены социальной пропасти...»*

После своих открытий Лондон решает присоединиться к социалистам (вступил в Социалистическую партию Америки в 1900 году, до того состоял в Социалистической трудовой партии).

Изначально Джек верил в «равные возможности» при капитализме, мечтал занять место на верхних этажах общества (аналогичные взгляды разделял персонаж его романа — Мартин Иден), но позднее избавился от иллюзий. Став известным писателем, он получил доступ к буржуазным слоям. Оказалось, что люди наверху далеки от той благородности, которую рисовало воображение Лондона. *«Если в ком чувствовалась жизнь, то это была жизнь гниения; если кто был деятелен, то деяния его были гнусны; остальные были просто непогребенные мертвецы»*, — заключает писатель после исследования «передовой» части общества. В конце концов Лондон решил посвятить себя рабочему классу:

*«И я вернулся к рабочему классу, в среде которого родился и к которому*

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*принадлежал. Я не хочу больше взбираться наверх. Пышные хоромы над моей головой не прельщают меня. Фундамент общественного здания — вот что меня привлекает...»*

Стоит поговорить про деятельность Лондона как левого публициста и его политические взгляды, которые и повлияли на концепцию романа «Железная пята». Вернувшись к рабочему классу, он отдал немало сил агитации и пропаганде. Наиболее плодотворным на поприще социалистической пропаганды для Лондона оказались 1905-1906 годы (именно в 1906 году написана «Железная пята», хоть и издана в 1908). Лондон много выступает на митингах, читает лекции, зажигает сердца на страницах газет.

Писатель поддерживает русскую революцию 1905 года, в своих речах называет русских революционеров своими братьями<sup>6</sup>. Вот что пишут про влияние событий в России на Джека Лондона:

*«Литературоведы неизменно говорили, в частности, о влиянии на писателя русской революции 1905-1907 гг. <...> Кровавая расправа царского правительства с восставшим народом убедила Лондона в шаткости надежды на мирную передачу власти трудящимся, он пришёл к выводу о неизбежности вооружённого восстания»<sup>7</sup>.*

Джоан Лондон (дочь писателя) не без основания заявляла, что без 1905 года «Железная пята» никогда бы не была написана<sup>8</sup>.

В статье «Революция»<sup>9</sup>, которая отличается антикапиталистической риторикой и уверенностью в победе социализма, Лондон поддерживает русских революционеров. Автор рассказывает про целую армию социалистов Америки:

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*«Клич этой армии: „Пощады не будет! Мы требуем всего, чем вы владеете...  
В наши руки всю власть и попечение о судьбах человечества!“»*

Требования её таковы: взять в свои руки правительственную машину и экспроприировать экспроприаторов. Далее писатель предъявляет обвинение капиталистам: в США, богатейшей стране, население прозябает в нищете; американские граждане живут едва ли лучше первобытного человека. Так цивилизация оборачивается настоящим варварством.

В этой же статье автор разъясняет цели социалистов — свергнуть власть буржуазии, если придётся — железом и кровью. Могильщиком капитализма Джек называет организованный, сплочённый пролетариат. Таким образом, Джек Лондон не ушёл в болото реформизма (этот тезис находит подтверждение и в дальнейших отрывках), а стоял на истинно революционных позициях — за свержение власти буржуазии.

Писатель не раз затрагивал вопрос о Железной пяте (под которой он понимал власть наиболее реакционной части капиталистов). Ф. Фонер, биограф Лондона, пишет по этому поводу:

*«В статье „Вопрос максимума“ Лондон предостерегал: правящие классы перед лицом экономического кризиса и растущего влияния социализма постараются как можно скорее надеть „крепкую узду на массы, пока не кончится кризис“. „Это делалось прежде. Почему этого не сделать опять... В 1871 году, повинуясь приказам руководителей экономики, истребили под корень целое поколение воинствующих социалистов“.*

*<...>*

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

*Чем больше Лондон читал, чем серьёзнее изучал современную обстановку, тем больше сомнений вызывала у него возможность мирного перехода к социализму. Жестокое подавление русской революции 1905 года убедило его в том, что социалистам предстоит встретиться с яростным, отчаянным сопротивлением капиталистов, которые пойдут на всё, чтобы удержать свою власть»<sup>10</sup>.*

Во время лекционного турне Лондон заметил, что большинство социалистических лидеров возлагают все надежды на победу на грядущих выборах. Очевидно, писатель видел дальше своих товарищей и ещё тогда предполагал, что в ответ на левый натиск буржуазия ответит безжалостным террором.

В 1909 году в письме И. Уоллингу, другому социалисту, Лондон говорит, что он — противник компромиссов и оппортунизма. Он убеждён, что если социалистическое движение США пойдёт по оппортунистическому пути, это будет означать торжество олигархии, это означало бы для движения шаг назад по крайней мере на 20 лет<sup>11</sup>.

Вышеприведённые отрывки отражают беспокойство автора по поводу надвигающейся опасности для социалистов и всего общества. Писатель предчувствовал, что в условиях кризиса и роста левых сил буржуазная демократия может превратиться в «открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала». Эти опасения, как мы дальше выясним, он и отразил в «Железной пяте».

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

Творчество и жизнь писателя не лишены противоречий. Примерно с 1909-1910 годов в жизни Лондона начинается кризис. После этого уже не выйдут из-под его пера произведения уровня «Железной пяты» или «Мартина Идена», а часто ему и вовсе придётся писать побыстрее да попроще, чтобы расплатиться с долгами. В произведениях этого периода иногда проскакивают индивидуалистические, расистские и мещанские черты. Некоторые биографы (В. Быков, Ф. Фонер, И. Стоун), выделяют следующие причины упадка писателя: разочарование в американском социалистическом движении, травля Лондона в обществе как антибуржуазного писателя, необходимость постоянно писать, чтобы расплачиваться с долгами, содержать ферму и семью.

Начнём с отношения буржуазного общества к писателю-бунтарю. И. Стоун по поводу непопулярности его «красных» произведений пишет, что критики не признали «Железную пяту», а пользовалась она популярностью лишь у «горсточки американских марксистов»<sup>12</sup>. Вышел в свет «Мартин Иден», и, хотя это произведение было относительно нейтральным по сравнению с остальными книгами Лондона, недружелюбно настроенные критики либо ругали его, либо высказывались пренебрежительно<sup>13</sup>. В. Быков пишет, что Лондона подвергали травле за его радикализм. Кроме того, «Мартин Иден» и «Железная пята» расходились плохо. После ухудшения дел он пошёл на уступки издателям<sup>14</sup>. Сам автор рассказывал про взаимоотношения с одним из издателей:

*«Он хотел сделать из меня евнуха, чтобы я писал мелочные, ограниченные, беззлые буржуазные рассказы, чтобы я встал в ряды умных посредственностей и тем потворствовал бесхарактерным, ожиревшим, трусливым буржуазным инстинктам»<sup>15</sup>.*



## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

Помимо этого, Лондон встречал непонимание со стороны критиков и читателей. Критика ницшеанства в «Морском волке» мало кем была понята. Что же до «Мартина Идена», здесь его идею тоже восприняли искажённо:

*«Это — книга, которую не поняло большинство критиков. Написанная как обвинение индивидуализма, она была воспринята, как обвинение социализма...»<sup>16</sup>.*

Таким образом, Джек Лондон, как и любой другой творец, был не свободен от буржуазного общества и вскоре, встретившись с холодным восприятием его произведений и финансовыми трудностями, был вынужден подстраиваться под «трусливые буржуазные инстинкты».

Писатель любил путешествовать. В частности, он совершил в 1907-1909 годах путешествие на судне «Снарк», на которое потратил уйму денег и влез в долги. Также Лондон увлёкся идеей создания идеальной фермы, где собирался применить передовые методы хозяйства. Все эти крупные затеи писателя были в своем роде попытками уйти от действительности, от буржуазного мира, искренне им презираемого. Удалось ли ему убежать от действительности? К сожалению, нет. Деньги долго не задерживались у писателя, из-за чего его творчество постепенно превращалось в потогонный, вынужденный труд. Возрастающие долги, всё более грандиозные планы о постройке фермы будущего привели к тому, что он возненавидел писательство:

*«Из писем известно, что его долг в то время составлял сто тысяч долларов, но не эта непомерная сумма удручала его — нет, тяжёлым камнем давила мысль о том, сколько тысяч слов предстоит ему написать, пока он выручит*

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

*эти деньги.*

*<...>*

*Нужно было гнать деньги, содержать ранчо, и он с грехом пополам ежедневно выжимал из себя тысячу слов. Писать! Этот процесс, который раньше был ему нужен, как кровь, как воздух, теперь отравлял его. „Необходимость — вот что ещё заставляет меня писать. Необходимость. Иначе я никогда больше не написал бы ни строчки. Так-то вот“»<sup>17</sup> .*

В одном из писем Лондон признавался, что, имея он возможность выбора, то никогда не прикоснулся бы к бумаге, за одним исключением: чтобы написать социалистическую статью и сказать буржуазному миру, как сильно он его презирает<sup>18</sup> .

В интервью журналу он рассказывает о своих страданиях. Здесь мы и замечаем, как писатель-борец постепенно превращается в мещанина: пишет он ради того, чтобы «прибавить 3-4 акра земли» к своему ранчо; писательство становится попросту лёгким способом заработка. Кроме того, Лондон вынужден подстраиваться под вкусы издателей, а ведь их «не интересует правда»<sup>19</sup> .

В связи с этими причинами (финансовое положение, мещанство, буржуазное давление), писатель всё более и более отдалялся от общественной деятельности. Кроме того, на конференции Социалистической партии в 1912 году было принято в устав дополнение, что партия отказывается от революционных методов борьбы и изгоняет членов, которые выступают за насилие как оружие рабочего класса в деле его освобождения<sup>20</sup> . Как мы уже знаем, Джек Лондон был сторонником революции и противником реформизма.

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

Несмотря на кризис, он до конца жизни оставался при своих взглядах. В 1915 году он заявил репортёру «Уэстерн комрид», что он глубоко обеспокоен политикой компромисса, открыто провозглашаемой многими лидерами партии:

*«Я до сих пор социалист, но социалист не кастово-квиелистского её крыла. Социалисты, гетто социалистов Востока, больше не верят в сильный, решительный социализм поры его молодости. Попробуйте в нью-йоркском гетто заикнуться о конфискации, и его лидеры в священном ужасе замашут руками. Я всё ещё верю, что социалисты не отступятся от борьбы за свержение класса капиталистов и уничтожение частной собственности. Я не верю, что социалистам следует смягчиться и пойти на уступки, это неизбежно превратило бы их в простых реформистов, чьи устремления не простираются далее сокращения расходов на правительственные учреждения, снижения налогов и т. п. Социалисты должны взять на себя задачу полностью уничтожить грабительскую капиталистическую систему, покончить с системой прибылей, передать во власть рабочих всю промышленность»<sup>21</sup> .*

В итоге, из-за политики партии и личностного вырождения, он в 1916 году пишет письмо в партию, заявляя о своём выходе:

*«Я выхожу из Социалистической партии, потому что она утратила свой огненный, воинственный дух и отвлеклась от классовой борьбы... Воспитанный в духе классовой борьбы, я верю: сражаясь, не теряя сплочённости, никогда не вступая в соглашения с врагом, рабочий класс мог бы добиться освобождения. Поскольку за последние годы*

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*социалистическое движение в Соединённых Штатах целиком прониклось духом умиротворённости и соглашательства, мой разум восстаёт против дальнейшего пребывания в рядах партии. Вот почему я заявляю, что выхожу из неё»<sup>22</sup> .*

Помимо уже названных противоречий, Джек Лондон в последние годы отличился и реакционными взглядами по некоторым политическим вопросам. Так, к примеру, в 1914 году он поддерживает интервенцию США в Мексику<sup>23</sup> . А после начала Первой мировой войны поддерживает союзников и выступает за скорейшее вступление в войну США<sup>24</sup> . Словом, экономическое и идеологическое давление капиталистического общества сломало Джека Лондона, отравило его творчество. Кто знает, быть может, доживи Лондон до 1917 года (он умер в 1916 году), Октябрьская революция, как когда-то революция 1905 года, стала бы для писателя вдохновением и источником для новых шедевров.

Однако мир запомнил Лондона не как индивидуалиста, реакционера и пессимиста, а лучшим из того, что он писал и кем был. Социалисты по достоинству оценят «Людей бездны», где читатели погружаются на дно общества и поражаются нищетой, царящей в Англии начала XX века; «Мартина Идена», роман, который разоблачает буржуазное общество и показывает печальную судьбу, уготованную творцу при капитализме; «Морского волка», где Лондон показывает нищету нищестанства; множественные рассказы на социальную тематику («Кусок мяса» — про судьбу спортсмена и капитализм, «Мексиканец» — про отважного солдата революции, «Отступник» — про эксплуатацию детского труда, «Мечта Дебса» — про силу забастовочного движения; «Сила сильных» — про великую мощь коллективизма; и др.).

Остаётся только согласиться с выводами Ф. Фонера:

*«Пойманный в ловушку системой, жаловавшей большими деньгами писателя с именем, и ненавидящий эту систему за разорение и нищету, которые она несла стольким людям, он в итоге окончательно запутался в противоречиях. По мере того как в последние годы жизни он всё дальше отходил от активной общественной деятельности, от рабочего класса и его идей, Джек Лондон утрачивал творческое вдохновение, дар и мастерство литератора. Но, несмотря на всё это, он остаётся одним из наиболее выдающихся писателей Америки, ибо его волновали насущные проблемы времени. Выходец из рабочего класса, он был первым американским писателем, с симпатией и сочувствием изобразившим свой класс, одним из первых, кто видел в литературе средство построения основ будущего общества»<sup>25</sup>.*

## О РОМАНЕ

*Мощь — вот, безусловно, главное, чем отмечена эта книга. Её излучает каждое слово; она настолько сильна, что сила эта почти отталкивает. Но это великая книга, из тех, что следует читать и обдумывать... Из тех, что возвышают читателя, очищают его душу. Она содержит в себе великий урок и внушительное предостережение<sup>26</sup>.*

В основу романа положена рукопись, найденная будто бы в пятом веке (XXVII век) «эры Братства людей» (так Джек Лондон назвал эру коммунизма). Автор рукописей — Эвис Каннингхем, революционерка XX века. Содержание записок — это история одного из руководителей рабочего движения Эрнеста Эвергарда

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

и в то же время история приобщения самой Эвис к делу борьбы рабочего класса. Но личные отношения занимают в романе второстепенное место, на первом же — история развития рабочего движения в США, история борьбы рабочего класса и олигархии (Железной пяты) в 1912-1932 годы.

Книга открывается предисловием Энтони Мередита — издателя мемуаров Эвис. Энтони рассказывает про специфику и случайность появления Железной пяты:

*«В закономерном течении социальной эволюции Железной пяте нет места. Её приход к власти всегда останется в истории чудовищной аномалией... чем-то неожиданным и невысказанным. Пусть же это послужит предостережением для тех опрометчивых политиков, которые так уверенно рассуждают о социальных процессах... Ожидали, что на развалинах своекорыстного капитализма вырастет цветок, взлелеянный столетиями, — братство людей. А вместо этого капитализм, созревший для распада, дал ещё один чудовищный побег — олигархию. Социалисты начала двадцатого века слишком поздно обнаружили приход олигархии. Когда же они спохватились, олигархия была уже налицо — как факт, запечатлённый кровью, как жестокая, кошмарная действительность».*

Таким образом, с помощью Мередита Джек Лондон предостерегает социалистов от догматического толкования истории и автоматического перехода к социализму.

Роман можно условно разделить на две части: первая — в виде дискуссий, споров, что придаёт роману публицистический характер (раскрытие материального положения пролетариата, теоретические дискуссии пр.); вторая

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

— повествование о ликвидации буржуазной демократии в США, фашизации и борьбе социалистов за власть. Повествование в романе ведётся от лица Эвис. Джон Каннингхем, отец Эвис, организывает званый обед, на который приглашает социалиста Эрнеста Эвергарда. Так происходит знакомство двух главных героев, Эвис и Эрнеста. Эрнест является «чужеродным» элементом: его социалистические воззрения встречают непонимание у девушки. Впрочем, вскоре Эвергарду удаётся столкнуть Эвис с действительностью и на простых примерах показать нищету буржуазной мысли. Поражённая жизнью, побеждённая доводами, Эвис переходит на сторону революции. Такова завязка романа.

Стоит сказать и несколько слов про среду, в которой разворачиваются события романа. «Железная пята» повествует о времени бурного развития социалистического движения в США. Приближаются выборы, и многие лидеры левого крыла надеются на победу в них и последующий триумф социализма. Эрнест же не разделяет оптимизма товарищей и предчувствует грядущую реакцию:

*«Мне трудно с достаточной ясностью рассказать вам об одной догадке, которая с недавних пор беспокоит меня... Бурные перемены в экономике вызывают такие же бурные перемены в религиозной и политической жизни и в структуре общества. Где-то в недрах общества происходит невидимый глазу, но грандиозный переворот. Что-то надвигается — огромное, неясное, грозное... Боюсь, это уже не за горами. Нас хотят задушить».*

Надвигается пик классовой борьбы, череды забастовок, восстаний и кровавой

реакции.

Форма романа тоже своеобразна. И. Лунина, исследователь творчества Дж. Лондона, отмечает, что бóльшая часть критиков видят в произведении черты утопии. Впрочем, в «Железной пяте» присутствуют черты эпоса и притчи, документального повествования и утопии. Писатель соединяет документальность, достоверность в изображении и вместе с тем заглядывает в будущее, давая свой прогноз<sup>27</sup>. Некоторые исследователи называют роман художественно-публицистическим<sup>28</sup>. Роман уделяет внимание не столько развитию персонажей, сколько изображению классовой структуры общества, разоблачению капиталистического строя, перерастанию буржуазной демократии в фашизм. Повествование о судьбах героев переплетается с изложением политических, социальных учений (например, дискуссии между социалистами и капиталистами, идеалистами и материалистами). Выдвигаются обвинения капитализму, популяризируется марксизм. С одной стороны, роман играет роль обвинения капитализму, с другой — предостережения, предупреждения для оппортунистов. Литературоведы также подчеркивают, что Лондон уделял больше внимания идейному содержанию произведений и готов был пожертвовать формой в угоду мысли<sup>29</sup>. Это также следует помнить при анализе романа.

Несмотря на изображение в романе будущего, произведение не является выдумкой, стоящей на шатком фундаменте. Автор наполнил роман живыми фактами из американской действительности начала XX века. И. Стоун на этот счёт пишет, что для создания романа Лондон извлёк много настоящего материала, чтоб обвинение капитализму, выдвинутое в книге, звучало более



убедительным<sup>30</sup>. Некоторые истории людей он узнал из газетных заметок<sup>31</sup>, ужасающее неравенство и рост левых сил автор мог видеть воочию, образы революционеров он создал, опираясь на собственные взгляды и характеры знакомых ему социалистов. И предчувствие по поводу наступления Железной пяты взялось у него неспроста: всесилие крупной буржуазии, оппортунизм в рядах американских социалистов, русская революция 1905 года и расправа над ней. В интервью Джек Лондон сформулировал основную идею «Железной пяты»:

*«История показывает, что ни один господствующий класс не сходит с арены по доброй воле. Капиталистам принадлежат правительства, армии, полиция. Вы не думаете, что капиталисты используют весь этот аппарат, чтобы удержаться у власти? Я думаю, это будет именно так»<sup>32</sup>.*

Можно было бы проанализировать произведение, просто комментируя сюжет, следя за ходом повествования, но мы пойдём другим путём: отдельно рассмотрим образы революции — Эрнеста и Эвис, образы разных классов и как писатель изобразил их положение в обществе; проанализируем сущность Железной пяты и её методы для борьбы с рабочим классом, тактику социалистов в условиях надвигающейся реакции. Такой подход позволит наиболее полно описать мир «Железной пяты» и подчеркнуть её значимость для левого движения.

## ВОЖДЬ РАБОЧЕГО КЛАССА

*«Ницше узнал бы в нем своего сверхчеловека, или, как он выражался, „белокурую бестию“, — с той существенной разницей, что Эрнест отдал*

*сердце демократии“».*

Наблюдательный читатель заметит сходство между персонажем и автором. Это и неудивительно. Как свидетельствует Эрнест Унтерманн, проживший после 1910 года несколько лет вместе с Лондоном на его ранчо, Эвергард — собирательный портрет трёх реальных людей — Джека Лондона, Юджина Дебса (видный деятель левого движения) и самого Унтерманна<sup>33</sup>. Верно подмечает и В. Быков, что Эрнест Эвергард был таким революционером, каким хотел стать сам Джек.

Что касается происхождения главного героя, родился он в рабочей среде, рабочим же зарабатывал на жизнь с юных лет. Не имея возможности получить полноценного образования, занимался самостоятельно и достиг неплохих высот: смог добывать себе хлеб с помощью интеллектуального труда. А главное — до конца жизни не переставал учиться.

Эрнест, рассказывая о себе, часто повторяет мысли статьи «Что значит для меня жизнь» Джека Лондона: поначалу верил в лучшую жизнь на «*верхних этажах*» общественного здания, далее наступило разочарование, ведь он «*вместо рая попал в бесплодную пустыню*». Зато у революционеров он встретил «*возвышенную веру в человека, беззаветную преданность идеалам, радость бескорыстия, самоотречения и мученичества — всё то, что окрыляет душу...*»

Автор при описании Эвергарда подчёркивает его талант как пропагандиста и агитатора (читатель может в этом убедиться сам, наблюдая за дискуссиями в романе). Кроме того, Эрнест является авторитетным членом социалистической партии. Общественная деятельность отбирает у Эвергарда много сил:

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

*«Эрнест всю жизнь трудился для других... и спал всего каких-нибудь четыре-пять часов в сутки и всё же не успевал переделать все дела. Он продолжал пропагандистскую работу, и его лекции в рабочих аудиториях были расписаны на недели вперёд. Много времени отнимала избирательная кампания...»*

На что же употребил свою силу, свой ум Эрнест? Он отдал своё сердце социализму. Ради него же он не заводил семью и стал профессиональным революционером:

*«Я часто благословляю судьбу за то, что нет у меня семьи... Если бы я женился, я не позволил бы себе иметь детей.*

*— Ну, это никуда не годная точка зрения! — воскликнула я.*

*— Знаю, — сказал он печально, — но она не лишена смысла. Я — революционер, а это опасная профессия».*

Эрнест осознанно выбирает революционный путь. Были ли у него другие варианты? Несомненно. С его умом он мог бы стать буржуазным писателем, учёным, журналистом, пишущим хвалебные оды толстым кошелькам. По-видимому, Эвергард посмел считать, что жизнь мещанина не вправе называться человеческой жизнью. Вспомним М. Горького, который поднимал проблему двух мировоззрений:

*«Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую»<sup>34</sup>.*

Эрнест выбрал второй путь:

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*«А сколько было в нём человечности и нежности! Бесстрашный борец, с телом гладиатора и душой орла... Дело его было для него песней. Всю жизнь пел он песнь о человеке. Душу Эрнеста переполняла любовь к человеку, и этой любви он отдал жизнь... Все знают, что он, не щадя себя, работал для революции и немало перенёс».*

Обратимся к взглядам персонажа. Спор с представителями церкви показывает, что Эрнест стоит на материалистических позициях. Он является сторонником классовой борьбы, насильственного свержения власти буржуазии; разбирается в классовой структуре общества. Он объявляет войну буржуазии, выдвигая те же обвинения, что и Джек Лондон в статье «Революция». Капитализм — полнейший банкрот, ведь он не в состоянии обеспечить всем членам общества человеческий, а не животный уровень жизни. Эрнест приходит к такому выводу:

*«Убедившись, что современный человек живёт хуже своего пещерного предка, мы с неизбежностью приходим к выводу, что капитализм обанкротился, что вы, господа, ваши преступные, хищнические методы хозяйничанья ввергли человечество в нищету... Вы обанкротились. Цивилизацию вы превратили в бойню. Вот что сделала ваша слепота и жадность!»*

Перед публикой Эрнест популярно разъясняет классовую структуру общества, показывает, кому реально принадлежит власть в стране. Далее Эрнест приводит данные о распределении богатства: пролетариат, составляющий большинство населения и производящий большую часть богатства, обладает наименьшей долей национального достояния. Решают же судьбы общества

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

всего каких-то несколько небольших финансовых групп.

Главный герой видит дальше своих соратников, предугадывает наступление реакции, скептически относится к победе на выборах:

*«Его товарищи-социалисты не соглашались с ним. Они всё ещё верили, что победы можно добиться на выборах. В их теории социальной эволюции не было места для олигархии, и они отказывались её видеть».*

Не единожды он в общении с другими социалистами будет разоблачать наивность мечт о мирном пути к социализму. С помощью Эрнеста автор передаёт сообщение левым: не надейтесь на выборы, будьте начеку, не сворачивайте на дорогу оппортунизма. Также в Эрнесте заключён тот идеал, к которому должен стремиться каждый уважающий себя социалист: высокая образованность, ораторские способности, преданность делу, непримиримость с реформизмом и прочим оппортунизмом. Лондону можно было бы предъявить обвинение за то, что Эрнест Эвергард предстаёт перед нами статичным, завершённым и идеализированным (с нотками романтизма, Эрнест является исключительной личностью) персонажем. Хотя реализм, как указывает тот же А. Луначарский, *«вправе строить гигантские образы, которые в действительности реально не встречаются, но которые являются персонификацией коллективных сил»*<sup>35</sup>. И действительно, Эрнест является собирательным образом пролетарских лидеров. Хотя Лондон и наделяет Эвергарда исключительностью, он словами Энтони Мередита подчёркивает типичность героя:

*«Он не был такой исполинской фигурой и не играл в событиях того времени столь исключительной роли... Он принадлежал к многочисленной армии*

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*героев, самоотверженно служивших делу мировой революции».*

Что касается отсутствия заметного развития персонажа, это одна из проблем образа. Реализм, а тем более, социалистический реализм, требует от искусства создавать образы в развитии, а не в застывшем состоянии. У Лондона получился герой, которому хочется подражать (ведь он — исключительный, уникальный!), но которому не получается соперничать. Он словно полубог: всегда выходит победителем в теоретических дискуссиях, видит глубже и дальше всех, ни на минуту не раскисает и не сомневается. Кроме того, мы мало видим Эрнеста в действии, то есть его участия в протестном движении, взаимодействия с партией. Покажи Лондон, как на Эрнеста влияет действительность и его активную практическую деятельность, персонаж получился бы, очевидно, живее. Выходит парадокс: второстепенные персонажи (к примеру, обычные пролетарии или интеллигенция) выглядят куда реалистичней центрального персонажа. Так что критика Лондона в этом моменте нужна и уместна: излишне преувеличив силу персонажа и недостаточно раскрыв его, он нанёс удар по реализму «Железной пяты». Конечно же, нет сомнения в писательском таланте Лондона. В других произведениях (взять, к примеру, «Мартина Идена») он доказал, что умеет рисовать живые образы. При этом стиль писателя — не просто реализм, а реализм, одухотворённый романтикой<sup>36</sup>. Персонажи других произведений, несмотря на в целом реалистическое изображение, часто возвышаются над повседневностью, обладают несколькими чертами, позволяющими им проходить через тяжелейшие испытания. В случае же с «Железной пятой» промахи в главном персонаже можно частично объяснить целью романа: изобразить во всей красе капиталистическое общество, фашиствующую буржуазию, разоблачить оппортунизм. Прекрасно справившись

с образом Железной пяты, Лондон меньше внимания уделил прорисовке главных персонажей.

## РОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

*«Впервые я столкнулась с действительностью, впервые увидела жизнь. Мои университетские занятия, наука, цивилизация — всё оказалось миражом. До сих пор жизнь и общество были известны мне по книгам, но то, что казалось убедительным и разумным на бумаге, рухнуло при первом же соприкосновении с действительностью».*

В отличие от Эрнеста, образ Эвис в течение романа пребывает в постоянном развитии. В основном оно связано с прощанием с былой, мещанской жизнью и началом революционной жизни. Можно выделить два фактора, которые на неё повлияли: влюблённость в Эрнеста и знакомство с реальным устройством общества. Но и второй фактор тоже касается Эрнеста. Эрнест становится для Эвис своего рода проводником, учителем. После первой встречи с ярым социалистом Эвис взволнована: ранее ей не встречались подобные люди. Эвис, как человек, вульгарно понимающий идеи марксизма, поначалу спорит с Эвергардом. *«Вы разжигаете классовую ненависть!»* — возмущается героиня. Социалист же объясняет, что никто не разжигает её, ведь классовая борьба — закон развития общества, а цель социалистов — уничтожить предпосылки для любой ненависти и вражды. А сколько существует и поныне таких Эвис, считающих, будто коммунисты выступают за раскол общества? И не всем подворачиваются знакомые, способные объяснить, что марксизм не раскалывает общество, а лишь констатирует его разделённое состояние и стремится отправить на свалку истории старый *«мир насилия»*, порождающий

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

ежечасные, ежеминутные страдания и разрушения.

Позже в том же разговоре Эвис отвечает Эрнесту в ответ на его критику класса капиталистов:

*«В нас (капиталистах) тоже много хорошего, хоть мы и кажемся вам закоренелыми злодеями».*

Эрнест указывает героине на то, что их семья являются акционерами компании, а значит *«платье, которое она носит, забрызгано кровью. Пища, которую они едят, приправлена кровью. Кровь малых детей и сильных мужчин стекает вот с их потолка».*

Чтобы доказать свои обвинения, Эрнест рассказывает историю рабочего, получившего травму и выброшенного за ненадобностью.

*«Джексон — жертва несчастного случая. Ему бы оставить без внимания кусочек кремня, попавший в зубья барабана... А Джексон потянулся за кремнём; вот ему и размозжило руку по самое плечо. А ведь у него жена и трое детей».*

Эвис принимает вызов Эвергарда и исследует дело Джексона. Сначала она опрашивает самого пострадавшего. Тот, в свою очередь, признаётся, что их замучили сверхурочной работой. Джексон попытался получить компенсацию за увечье, однако «правда» оказалась на стороне компании.

В контексте истории Эвис автор также раскрыл образы пролетариев и



## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

буржуазии в романе. Эрнест называет этих людей рабами машин, так как они скованы в своих действиях и мыслях. Все они подчинены капиталу и разорвать эти оковы не в силах. История Джексона служит Лондону инструментом для того, чтобы глазами Эвис показать все стороны капиталистического бытия. Чтобы познать истину, Эвис допрашивает свидетелей и других причастных к делу: адвоката и двух рабочих. Здесь мы и сталкиваемся с «рабами машин». Образы адвоката, рабочих — образы маленьких людей, бессильных перед властью буржуазии и насмерть привязанных к рабочему месту и семье. Они, подчиняясь звериным законам капитализма, вынуждены лгать, подставлять других ради спасения своего и без того шаткого положения. Про них высказался Эрнест:

*«Да, никто из этих людей в себе не волен. Все они пленники промышленной машины. И самое страшное то, что путы, привязывающие их к этой машине, впиваются им в сердце».*

В этой же ситуации прекрасно показано, интересы какого класса обслуживают суды. Адвокат, *«щуплое, загнанное существо, производившее впечатление законченного неудачника»*, подтверждает, что пострадавший по праву заслужил компенсацию, однако компания заручилась лучшими юристами, способными вытянуть нужные показания. При этом сам адвокатишка жалеет о проигранном деле по одной лишь причине: не удалось обобрать Джексона за предоставленные услуги. Ему тоже, как и Джексону, надо кормить семью:

*«И ни одна душа, кроме меня, не заботится о том, есть ли у жены, детей кусок хлеба».*

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

Потому-то и вынужден действовать как хищник: чтобы не раздавили тебя, надо грызть других.

Далее Эвис расспрашивает рабочих. Первый, Питер Донелли, изменил свои показания, потому что у него *«славная жена и трое ребятишек»* и *«если он будет тонуть, ни одна душа на фабрике не окажет ему помощи, один друг у него на свете — Компания»*. Джеймс Смит практически повторяет историю предыдущего свидетеля:

*«Пришлось поступить на фабрику. Потом стал мастером, женился, пошли дети, то да сё — словом, я уже себе не хозяин».*

«Однако для чего пересказывать сюжет, приводя столь обширные отрывки?» — справедливо заметит кто-нибудь из читателей данного обзора. Что ж, это необходимый шаг для того, чтобы раскрыть факторы, повлиявшие на характер ключевого персонажа. Более того, описанные выше ситуации демонстрируют Лондона как реалистического художника: он сумел показать типичных персонажей в типичных обстоятельствах. Так ли редки случаи травмирования рабочих на производстве и дальнейшие тяжбы в суде? Разве не существуют и сегодня наёмные рабы, дорожащие своим тёплым местом? Не забудем также упомянуть, что данные образы были пролетариями, не слышавшими ничего о борьбе и не усвоившими истины: *«Освобождение пролетариата — дело рук самого пролетариата»*. Было бы ошибкой усматривать здесь фатализм Лондона — о сознательном пролетариате *«Железной пяты»*, поднявшимся на борьбу, пойдёт речь в следующих разделах.

Итак, история рабочего Джексона здорово изменила взгляды Эвис. Она

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*«вспомнила о том, что платье у неё залито кровью рабочих, — и внутренне поёжилась».* Вероятно, Эвис ранее и не догадывалась, что труд — источник всякого богатства, в том числе неоплаченный труд людей, выброшенных на задворки истории. Впрочем, на этом поиски героини не заканчиваются. Ей ещё предстояли встречи с представителями из буржуазного лагеря, а именно с юристом компании и её акционерами. На удивление, полковник Ингрэм, адвокат буржуазии, откровенно признаётся Эвис, чьи интересы обслуживает закон:

*«Сила закона в том, что он служит силе... сильный всегда прав».*

Также героиня погостила у крупнейших собственников фирмы. Так Эвис знакомится с буржуазной моралью. С удивлением увидела она, что *«эти джентльмены не считаются с общепринятой моралью, что у них в обиходе своя, аристократическая мораль, мораль господ».* Оба богача смотрели на себя, как на спасителей человечества, рисовали мрачными красками страдания, на которые были бы обречены рабочие без их *«мудрости».* И конечно же, представители «белой кости» отказались выплатить Джексону компенсацию.

Теперь Лондон нас знакомит опять с типичными персонажами, но уже из противоположного лагеря — буржуазного. Они пользуются как особым материальным положением, созданным трудом наёмного рабства, так и особой моралью, которая призвана навсегда узаконить подобное рабство. Позднее Эрнест даёт меткую характеристику подобным «хозяевам жизни»:

*«Всякий раз, как они затевают что-нибудь новенькое, они норовят опереться на соответствующую доктрину, подтверждающую их правоту... Одна из их любимейших аксиом — что они цвет нации, квинтэссенция её»*

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*мудрости и энергии. Это даёт им право держать на пайке всё остальное человечество и каждому устанавливать его рацион... Интересы общества и человечества — для них книга за семью печатями. И эти-то самозванцы берутся вершить судьбы миллионов голодных людей да и всего остального человечества в придачу!»*

Под впечатлением от увиденного Эвис решает написать о деле Джексона в газету. Что ж, её и здесь ждёт разочарование: ни одна местная газета или журнал не согласились печатать «подрывные материалы». В подобных эпизодах про СМИ Лондон раскрывает истинную сущность любой буржуазной прессы — хвалёная свобода слова заканчивается там, где начинаются интересы капитала.

Поняла это и наша героиня. Познав реалии потогонного труда, лицемерие буржуа, Эвис преображается и приходит к выводу, что за внешним благополучием общество скрывает в себе отвратительную действительность. Она поняла, что её удобное жильё, возможность получить образование, красиво наряжаться — всё это оплачено кровью работяг, а надменные буржуа вовсе не собираются менять состояние дел. К счастью, девушка не останавливается на простом отрицании действительности, а идёт дальше — к учению, призванному не только объяснить мир, но и изменить его.

Так, после беспристрастного исследования о положении рабочего класса и равнодушии общества Эвис соглашается с доводами Эвергарда. Позднее девушка пополняет ряды революции, а Эрнест становится её наставником и супругом:

*«Я стала искать его дружбы. Он сделался моим учителем. Он обнажил*

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*передо мной подлинную сущность окружающего общества и научил  
распознавать жестокую правду.*

*<...>*

*Я впитывала то, что давали мне встречи с руководителями рабочего класса  
и его теоретиками. И меня увлекало их бескорыстие, их пламенная вера.*

*<...> Трудно сказать, любовь ли к Эрнесту, или же ясное понимание  
законов общественного развития сделали меня революционеркой, но, став  
ею, я была подхвачена вихрем событий, которые ещё три месяца назад  
казались бы невозможными».*

История знает немало случаев, как человек из противоположного лагеря (буржуазия, обуржуазившаяся интеллигенция) порывает со своим классом. Таким человеком является и Эвис. Её история — постепенный переход от мещанства к революции. Именно поэтому данный раздел называется «Рождение революции». Согласно автору, любой честный человек путём непредвзятого исследования жизни способен прийти к социалистическим взглядам. Можно сказать, что в образе героини писатель воссоздал собственный идеал женщины: верная супруга и товарищ по борьбе; женщина как субъект истории (так как позже она становится профессиональной революционеркой); женщина, тяготеющая к истине (ведь Эвис могла проигнорировать Эрнеста, закрыть глаза на окружающий мир, но решила всё-таки узнать правду). Рассказ об этой девушке разрешает две задачи Лондона как художника: изобразить, как человек меняет мировоззрение и входит в ряды революции; раскрыть типичные образы пролетарского и буржуазного классов и каково их материальное положение и идеологическая начинка.

Имеет ли недостатки образ Эвис? Пожалуй, да. Хотя и повествование ведётся от лица героини, читатель всё же недостаточно знает о ней. Мы практически не знаем предысторию персонажа, мало узнаём про её былые взгляды, что преуменьшает правдоподобность её перемены, т. е. революционной перемены. Эволюция и революция героини местами выглядит схематично, упрощённо. Возможно, стоило бы подробнее отразить внутренний конфликт старого (буржуазного начала) и нового в Эвис, и тогда бы образ привлекал больше внимания.

## СУДЬБА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

*«Все, все они — профессора, проповедники, журналисты — на службе у плутократии; служба же их в том, чтобы проповедовать идеи либо вовсе безвредные, либо угодные правящему классу. Стоит им выступить в защиту идей, неугодных властителям, как их лишают работы».*

Джек Лондон отразил в романе положение интеллигенции, её зависимость от буржуазии и травлю интеллигентов, посмеявшихся противиться общественным нормам. Это отражено в двух историях — профессора Джона Каннингхема, отца Эвис, и епископа Морхауза. Профессор, физик по специальности, в свободное время изучает политэкономия и социологию, организовывает вечера, куда созывает людей разных сословий и взглядов. По словам дочери, у него была мечта:

*«В нём всегда было сильно чувство справедливости, а теперь оно стало его главной страстью: он мечтал об уничтожении несправедливости на земле».*

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

За то, что профессор принимает у себя социалистов и сам бывает у них на собраниях, буржуа предупреждают его:

*«Если вы свяжете свою судьбу с судьбой рабочего класса, вам тоже солоно придется».*

Каннингхем упрямылся и не желал подчиняться. Таким образом, непослушного профессора увольняют из университета, а его книгу, критикующую образовательную систему, сначала безжалостно очерняют, а потом и вовсе изымают из печати.

Его подвергают остракизму в прессе: содержание выступлений перевирают, а самого учёного объявляют сумасшедшим. Окончательная расправа над «красным» профессором происходит, когда его лишают акций и выдворяют из дома. Вот какая участь в реакционную эпоху (описанные события — лишь первые ростки Железной пяты) ожидает человека, вздумавшего водить знакомства с социалистами и писать труды на злободневные темы! Сначала лишат должности, закроют рот, заберут собственность, а потом, кто знает, — могут и жизни лишить.

Вторая история, связанная с епископом Морхаузом, начинается с первых глав (он тоже часто гостит у профессора). Мы наблюдаем дискуссию между ним и главным героем. Эрнесту удаётся в споре про капитал и труд положить оппонента на обе лопатки:

*«Рабочие дают свой труд. Акционеры дают капитал. Совместными усилиями создаётся новая стоимость. Она делится между рабочими и*

*предпринимателями. Доля капитала называется „дивидендами“, доля труда — „заработной платой“... Спустившись на землю, мы должны сказать, что рабочий хочет получить при дележе возможно бóльшую долю. Капиталист тоже норовит получить возможно больше. Но там, где разделу подлежат ценности и где та и другая сторона хочет получить бóльшую долю, неминуемо возникает столкновение интересов. Вот вам и конфликт между трудом и капиталом... Человек не должен быть эгоистом, но он останется им при социальной системе, основанной на неприкрытом свинстве».*

Потом Эвергард обрушивается на священнослужителя с критикой церкви. «Капитал погнал на бойню чуть ли не целый народ, а как отнеслась к этому церковь?» — на подобный вопрос Морхауз не смог найти оправдания. Так же, как и не смог найти объяснения, как христианские ценности связаны с эксплуатацией и социальной пропастью. Священник соглашается на предложение Эрнеста показать те ужасы, на которые церковь закрывает глаза. У Эвергарда получается поразить церковника:

*«Я повёл его к нескольким рабочим, познакомил с калеками, выброшенными на улицу промышленностью... Он понял, что пьянство, проституция и преступления — это порождения куда более страшного зла, чем природная порочность человека. У него гипертрофия совести, он жестоко потрясён, к тому же, как всегда, далёк от жизни».*

Под напором фактов, как и Эвис, епископ вынужден признать живые факты, приводимые Эрнестом. Правда, он видит разрешение противоречий не в



## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

революции, а в возврате церкви к учению Христа. Выступая перед священниками, он взывает к любви к ближнему:

*«Сестры и братья, в этом вижу я единственный выход. Я не знал, зачем нужны кареты, а теперь знаю: для того, чтобы перевозить больных, немощных и престарелых. Я не знал, зачем нужны дворцы, а теперь нашёл, что с ними делать. Дворцы, принадлежащие церкви, должны быть превращены в больницы и убежища для тех, кто без сил свалился на краю дороги и погибает... Мы отступились от заветов Учителя».*

Но даже искренние верующие опасны, ведь они взывают к дележу богатства. Проповедь епископа повергла всех в шок, так что его, естественно, не спрашивая разрешения, отправили в психиатрическую лечебницу. Окончив лечение, епископ, на удивление, честный человек, под укором совести решает отречься от богатства и раздать его нуждающимся. Неутешительная судьба постигла Морхауза — его вновь заключили в больницу. Воистину, человек, идущий наперекор буржуазным идеалам, объявляется ненормальным.

Профессор и священник — образы интеллигентов, которые, столкнувшись с преступлениями капитала, встали перед выбором: промолчать или поднять мятеж. Как говорят, мятеж не может кончиться удачей, — в противном случае его зовут иначе. Наши интеллигенты подняли безнадёжный мятеж против общества, которое может быть свергнуто только революционным напором масс. С помощью образов профессора и епископа Джек Лондон говорит: даже люди, не являющиеся революционерами, опасны для олигархии. Профессор, как известное и уважаемое лицо, открыто поддерживал левых, что могло повисить

повысить популярность дела социализма, в том числе привлечь и других представителей интеллигенции. Епископ же вздумал взывать к переделу собственности. Богача, делящегося своим состоянием и пропагандирующего такое же поведение, прозвали безумцем.

В «Железной пяте» изображены разные оттенки интеллигентов: буржуазные подстилки; интеллигенты-революционеры (Эрнест, Эвис) и неопределившиеся персонажи (епископ, профессор), которые имели смелость отрицать заведённые порядки, но не поднялись на борьбу. Только та интеллигенция пребывает в благоденствии, что клепает идеи в угоду правящему классу. Иными словами, прав был Эрнест, говоря:

*«Но стоит вам (интеллигенции) изменить свой образ мыслей и выступить против существующих порядков, как вам немедленно укажут на дверь: такие проповеди неприемлемы для ваших хозяев».*

## ПРОЩАНИЕ С МЕЛКОБУРЖУАЗНЫМИ ИЛЛЮЗИЯМИ

*«В этой борьбе нет места среднему классу. Средний класс — это пигмей между двумя великанами. Разве не видите вы, злополучный, обреченный средний класс, что вы зажаты между двумя жерновами и рано или поздно вас раздавят!»*

Джек Лондон сталкивает главного героя и с мелкими собственниками, чтобы разбить мелкобуржуазные иллюзии:

*«Их общим девизом было: „Долой тресты!“ Все они вопили, что им житья*

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*нет от трестов и что в их бедах виноваты тресты».*

Эрнест выслушивает жалобы оппонентов: крупный капитал не даёт развернуться; любые законопроекты, защищающие интересы мелкого буржуа, блокируются. Мелкий хозяйчик, как и подобает его положению, мечтает вернуться в старые добрые времена свободной конкуренции. Как справедливо указывает Эрнест, смысл жизни он видит в наживе. Отнюдь не отказываясь от разорения своих конкурентов, мелкая буржуазия, как только замечает более крупного хищника, кричит: «Караул, грабят!» В этом и состоит противоречивость промежуточного класса. Эвергард даёт имя мелкой буржуазии — разрушители машин. Они, как когда-то луддиты, презирают крупное производство и призывают вернуться в прошлое.

Что касается политических воззрений мелкой буржуазии, здесь мы тоже встречаем противоречие. С одной стороны, она стремится к равенству, справедливости (разумеется, к справедливости в своем понимании) имеет тесные связи с пролетариями и сама поддается пролетаризации, так что может поддержать борьбу рабочего класса. С другой же — может встать на сторону реакции, дорожа своею собственностью. Промежуточный класс зажат между двумя силами, про что и говорит Эрнест:

*«Вам противостоят две великие силы... Крупный капитал — иначе говоря, тресты — не позволит вам повернуть историю назад. Но ещё более великая, могучая сила — рабочий класс. Он не допустит уничтожения машин. Между трестами и рабочим классом идёт борьба за овладение миром, а следовательно, и машинами».*

Наш герой предлагает мелким собственникам союз: обе стороны выиграют от социализма, вместе они смогут *«спустить с лестницы хозяев машин и сами стать их хозяевами»*. Если же капиталисты возьмут вверх, не поздоровится всем:

*«— А если битву за овладение машинами и всем миром выиграете не вы, а тресты? — спросил мистер Коуолт.*

*— Тогда, — отвечал Эрнест, — и вы, и мы, и весь рабочий класс будем раздавлены железной пятой деспотизма, не ведающего удержу и жалости, — деспотизма, какого не знала доселе ни одна, даже самая тёмная эпоха в жизни человечества. Вот имя для него — Железная пята!»*

Матёрые марксисты могут засомневаться, есть ли резон приводить известные истины: мелкая буржуазия — противоречива, а интеллигенция зависит от денежного мешка. Всё это так, однако разница заключается как раз в том, где и как изображаются подобные истины. Отражение действительности в живых, понятных образах, на простых примерах — вот достоинства художественного познания. Кстати, когда в разделе «О романе» шла речь про его художественно-публицистический характер, подразумевались в том числе вышеупомянутые дискуссии, изложения учений в книге. Порой возникает ощущение, что мы читаем не художественное произведение, а научно-популярную статью на страницах социалистического издания. В данном случае Лондон справедливо критикует мелкобуржуазную идеологию (эта критика, по сути, актуальна и по сей день), показывает отмирающую роль мелких собственников и их пролетаризацию. Мелкая буржуазия полна противоречий. Проклинает крупный капитал, но и сама не прочь занять его место. Лондон отразил видение роли

этого промежуточного слоя: либо он примкнёт к рабочему классу в его борьбе, либо будет раздавлен катком реакции.

## ЖЕЛЕЗНАЯ ПЯТА ОЛИГАРХИИ

*«Но как только вы протянете руки, ваши хвалёные руки силачей, к нашим дворцам и нашей роскоши, — мы вам покажем, где сила. В грохоте снарядов, в визге картечи и стрёкоте пулемётов вы услышите наш ответ. Вас же, революционеров, мы раздавим своею пятой, мы втопчем вас в землю».*

Образы представителей буржуазии встречаются вскользь в течение романа, однако Железная пята часто представляется безликой, хотя и методы реакции в романе показаны очень подробно. Образ Железной пяты раскрыт через серию событий, когда буржуазная демократия в условиях кризиса и роста левого движения трансформируется в открытую диктатуру.

Единственный персонаж, с кем удастся ассоциировать власть Железной пяты, — это мистер Уиксон. Именно он отвечает Эрнесту на его обвинения в банкротстве капитализма:

*«Медведь сегодня занёс лапу, угрожая нам. Он говорил, что они намерены отнять у нас нашу власть, наши дворцы и раззолоченную роскошь... На самом деле как бы мы его не раздавили! И отвечать медведю будем не словами, а свинцом. <...> Как только вы протянете руки, ваши хвалёные руки силачей, к нашим дворцам и нашей роскоши, — мы вам покажем, где сила. В грохоте снарядов, в визге картечи и стрёкоте пулемётов вы*

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*услышите наш ответ. Вас же, революционеров, мы раздавим своею пятой, мы втопчем вас в землю.*

*Мир принадлежит нам и никому другому им не владеть! С тех пор, как существует история, ваше рабочее воинство всегда копошилось в грязи и будет и дальше копошиться в грязи, пока мне и тем, кто со мной, и тем, кто придёт после нас, будет принадлежать вся полнота власти...»*

Впрочем, и этого небольшого монолога достаточно, чтобы обрисовать для читателя образ фашизма.

Следует прояснить, в каких обстоятельствах зарождается Железная пята. В США наблюдается небывалый рост левых сил, а рабочие «восторженными толпами валили на социалистические митинги». В то же время многие социалисты возлагают надежду на победу на выборах. Помимо этого, в стране назревает экономический кризис, обостряется классовая борьба:

*«Заводы работали неполный день, многие гигантские предприятия закрылись на время... Рабочим то и дело уреза́ли заработную плату. <...> Повсюду вспыхивали забастовки, а там, где рабочие не бастовали, их пачками увольняли с заводов. Газеты были испещрены сообщениями о погромах и беспорядках, и ко всем этим злодеяниям приложили руку чёрные сотни [очевидно, и тут присутствует влияние русской революции на сюжет романа — прим. автора]».*

Буржуазия пытается разрешить кризис путём войны с Германией. На этом моменте автор снова прибегает к публицистике и популярно в нескольких абзацах объясняет цели империалистических войн:

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

*«В своей борьбе за внешние рынки американская плутократия столкнулась с Германией. <...> В смене событий, порождённых войной, в перетасовке международных связей, в заключении новых договоров и союзов олигархия видела возможность богатой поживы. Кроме того, война должна была поглотить излишки во многих странах, сократить армии безработных, наконец, дать олигархам передышку для подготовки и выполнения их планов. Война позволила бы им завладеть мировым рынком. Она позволила бы создать в Соединённых Штатах большую постоянную армию, а популярный в народе лозунг „Социализм против олигархии“ можно было бы подменить лозунгом „Америка против Германии“».*

В этом же эпизоде Джек Лондон хотел показать, какой вес имеет настоящий интернационализм во время империалистической войны. Революционные партии всего мира заявляют о готовности предотвратить войну даже путём свержения своих домашних угнетателей. Рабочие же Германии и США устраивают всеобщую стачку и таким образом парализуют жизнь общества. Правительства под давлением коллективной силы рабочего класса подписывают мир.

Данные события (всеобщая забастовка и прекращение войны) звучат фантастически и Джека Лондона можно было упрекнуть в отходе от реализма. Хотя и здесь присутствует рациональное зерно: путём умышленного преувеличения мощи пролетарского движения (похожая история встречается нам в рассказе «Мечта Дебса») писатель указал на то, что рабочие могут и должны являться субъектом истории, а их солидарность выступает главным оружием против буржуазного мира.

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

Вскоре в мире «Железной пяты» вспыхивает мировая пролетарская революция, а затем — её жестокое подавление реакцией. Лишь немногие социалистические страны уцелели в результате разгрома:

*«Повсюду низвергались правительства, рушились старые устои... В Германии, Италии и Франции, Австралии, Новой Зеландии были созданы правительства народного сотрудничества. Британская империя распадалась; поднялись народы Индии... Стремясь к владычеству на континенте, Япония подавила у себя пролетарскую революцию.*

*<...>*

*Англии удалось подавить у себя пролетарскую революцию и удержать под своим скипетром народы Индии. Отделилась Канада, но здесь социалистическая революция была раздавлена при содействии Железной пяты. Точно так же и в Мексике и на Кубе Железная пята помогла раздавить восстание...»*

Напуганная забастовками, революциями в других странах (в нескольких других странах всё ещё сохраняется социалистический уклад), экономическим кризисом, буржуазная демократия уходит, а на её место приходит открытая диктатура, имя которой — Железная пята. Реакционная буржуазия вовсе не церемонится и запрещает левые СМИ, а порой и вовсе уничтожает типографии. Боевым отрядом буржуазии в деле разгрома социалистической прессы выступают чёрные сотни — наиболее реакционные американские националисты. И, разумеется, черносотенцев выставляют истинными патриотами, спасителями от «красной угрозы».



## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

А тем временем демократические процедуры в США окончательно превращаются в спектакль:

*«Заседания сената и палаты превратились в фарс, в пустую проформу. Там всё ещё обсуждались и решались какие-то вопросы, но теперь это нужно было только для того, чтобы придать мандатам олигархов некую видимость законности».*

После того, как социалистам-таки удаётся избраться в парламент, буржуазия ищет повод для репрессий. И находит его: организовывается провокация, в которой обвиняют социалистическую партию и начинают гонения на неё. Данный эпизод стал ещё одним поводом называть Лондона пророком: в 1933 году нацисты, воспользовавшись провокацией (поджог Рейхстага), запустили кампанию яркого антикоммунизма.

Любые рабочие забастовки жестоко подавляются. И, к сожалению, дело проходит не бескровно:

*«Увесистые полицейские дубинки работали без отказа, но особенно жестоко косил забастовщиков пулемёт, установленный на крыше склада Марсденовской компании срочных доставок. <...> Часть руководителей забастовки была приговорена к смертной казни, остальных засадили в тюрьму; рядовых рабочих толпами загоняли на скотобойни и беспощадно избивали».*

Также в романе отражён процесс создания рабочей аристократии. Олигархия в надежде создать для себя опору прибегает к следующим мерам: подкупает

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

наиболее массовые профсоюзы, улучшает условия труда для отдельных групп работников. Стать членом такого союза — то же самое, что «получить пропуск в рай». Таким образом буржуазия покупает пролетариат и его лидеров (даже Эрнесту предлагали правительственное кресло), укрощает его революционные настроения. Кроме прикормленных рабочих, второй опорой капиталистов выступает армия:

*«Наёмники были особым сословием. Они жили в специально отведённых им городах, которыми сами управляли, и пользовались множеством других привилегий. Немалая доля чудовищных прибылей Железной пяты уходила на их содержание. Утрачивая постепенно всякую связь с народом, они вырабатывали своё классовое самосознание, свою классовую мораль».*

Еще одним инструментом для подавления протестов и укрепления власти является расслоение пролетариата. На одной стороне рабочая аристократия, на другой — страшное обнищание и люмпенизация населения:

*«...вырастала кастовая обособленность. Члены привилегированных союзов становились рабочей аристократией... Они жили в благоустроенных домах, хорошо одевались и питались, с ними и разговаривали по-иному. <...> Зато остальным рабочим жилось всё хуже. Их заработок падал, жизненный уровень снижался: постепенно, одно за другим теряли они свои исконные мелкие права».*

Положение «обитателей бездны» (так назвала Эвис люмпенов, которых образовалась целая масса после прихода Железной пяты) было крайне тяжёлым. Их заковали во множество оков: отсутствие доступа к образованию,

жильё в гетто, ограничение свободы перемещения, непостоянный низкоквалифицированный труд. Одним словом, это были существа, некогда похожие на людей, но уже находящиеся на положении скота. Когда среди них появлялись бунтари, олигархи переманивали их и включали в ряды привилегированных рабочих или наёмников. Так приглушался всякий протест.

Эвис рассказывает читателю, какую идеологическую эволюцию прошли олигархи в процессе фашизации:

*«Они создали у себя жёсткую классовую дисциплину... Они занимали командные посты в армии и промышленности... заполняли многочисленные государственные должности, служили в колониях, десятками тысяч работали в тайной полиции... И во всех этих областях они выполняли важнейшую для себя задачу — внушать всей нации идеи, способствующие увековечению олигархии. <...> С детства им прививали аристократические представления о своей классовой исключительности, они всасывали их с молоком матери... Только они, по их представлениям, ценой неустанных трудов и жертв способны были защитить род людской от всепожирающего зверя („людей бездны“»).*

Узнав черты изображаемого в романе строя, читатель невольно увидит массу совпадений с проявлениями фашизма XX века: полная цензура оппозиционных СМИ, жёсткое подавление протестных движений, ликвидация демократических процедур, антикоммунизм, погромы и участие в них наиболее реакционных отрядов буржуазии. И будет прав в своих догадках. Так же, как и фашизм, власть Железной пяты зародилась во время кризиса капиталистической

системы, череды социалистических революций. В программной статье Lenin Crew «Фашизм вчера и сегодня» указывалось:

*«При сочетании таких условий, как общий кризис капитализма, подъём революционного движения и наличие сильной марксистской партии, имеющей существенное влияние и осуществляющей руководство борющимся пролетариатом, когда буржуазной демократией больше не удаётся обманывать массы, буржуазия отбрасывает демократические формы управления и осуществляет свою диктатуру открыто, максимально используя имеющуюся в её руках репрессивную машину — государство, а также спуская с цепей своих верных псов — националистические, фашистские организации...»<sup>37</sup>*

Мастерство Лондона заключается как раз в том, что ему удалось уловить эту тенденцию, показать, в каких условиях родится реакция и какие методы будет использовать. Несомненно, Лондон при своем прогнозе не тыкал пальцем в небо: уже упоминалось влияние русской революции или воспоминания писателя о разгроме Парижской коммуны. Некоторые предпосылки, черты фашизма существовали и до Первой мировой войны, что позволило Лондону правдоподобно изобразить фашистский режим. Указал автор и путь, который должны пройти социалисты для предотвращения реакции.

## ТАКТИКА ЛЕВЫХ

*«Сегодня мы потерпели поражение, но это ненадолго. Мы многому научились. Завтра, обогатившись новой мудростью и опытом, великое дело возродится вновь».*

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

В «Железной пяте» идёт повествование также о тактике социалистической партии в условиях надвигающейся катастрофы. Как мы уже упоминали в первом разделе, Джек Лондон был крайне обеспокоен оппортунистическими течениями среди левых, а именно — намерениями прийти к власти через выборы. Данное явление он и поддаёт безжалостной критике на примере действий социалистов. Выразителем точки зрения автора выступает Эрнест, так как он — чуть ли не единственный, кто сомневается в планах товарищей по поводу выборов. Лондон описывает наивные надежды оппортунистов:

*«...это заставило социалистических лидеров, за исключением Эрнеста, заговорить о близком крушении капитализма. Такие симптомы, как нарастающий кризис и увеличение армии безработных, уничтожение фермерского сословия и среднего класса, разгром рабочих организаций, оправдывали, казалось, самые смелые чаяния и побуждали социалистов перейти в наступление на плутократию. Социалисты уже трубили о своей близкой победе на выборах. Трезво взвесив и подсчитав все шансы, плутократия нанесла нам поражение, расколов наши ряды».*

Словами Эрнеста писатель подчёркивает необходимость курса на пролетарское восстание:

*«Ещё недавно я возлагал надежды на выборы, на то, что нам удастся завоевать власть мирным путём, — и оказался неправ. Железная пята втопчет нас в землю. Остаётся одно: решительное, кровопролитное восстание рабочего класса».*

Главный герой требует решительных действий от профсоюзов, сопартийцев, но

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

все оказываются глухи к его доводам. Реформизм, нерешительность, отказ от насильственного взятия власти — вот на что направлена критика Лондона. И действительно, промахом социалистов в книге является то, что они не решились взять власть во время пика рабочего движения и бессилия властей, т. е. во время всеобщей стачки, описанной в предыдущем разделе. Грубо говоря, власть валялась у них под ногами, надо было лишь поднять её. И даже после всеобщей стачки и завершения войны социалисты продолжали уповать на победу в демократических играх. Спасение от Железной пяты олигархии автор видит в решительности партии, её готовности взять власть насильственным путём. Помимо этого, Лондон подчёркивает, что только организованные пролетарии, став субъектом, а не объектом, могут разорвать могучие цепи капитала. Массовые стачки, мировая пролетарская революция, упомянутые в книге, — все эти события романа подтверждают вышесказанное. Также говорится и о важности союза с мелкой буржуазией.

Однако и самого Джека Лондона можно подвергнуть критике, так как некоторые сюжетные повороты вызывают вопросы. Так, к примеру, социалистическое восстание в США Лондон рисует исключительно как восстание профессиональных революционеров, а не организованной массы трудящихся. В предыдущем разделе шла речь про «людей бездны» — люмпенов, обречённых на деградацию и вымирание. Этим массам он отводит роль лишь отвлекающего манёвра. С одной стороны, пассивность масс вытекает из их отчаянного положения, с другой же — странно, что главные герои не пытались их хоть как-то задействовать, вести с ними пропагандистскую работу. *«В своих планах мы отводили место стихийному восстанию обитателей бездны... Не беда, если это приведёт к человеческим жертвам и уничтожению*

*ценного имущества! Пусть ярится зверь из бездны, и пусть свирепствуют полицейские и наёмники. И те и другие опасны для революции, лучше им обратиться друг против друга. А мы тем временем займёмся своим делом — захватом и освоением государственной машины», — так описывает Эвис план действий.*

Помимо этого, революционеры также почти не заручились поддержкой среди армии: на их сторону перешли всего лишь несколько полков. Не распропагандировали они и мелкую буржуазию, так что перевес сил изначально был за Железной пятой. Может показаться не до конца ясным — действительно ли это свидетельствует о неверии писателя в силу масс? Вероятно, автор хотел показать на примере «людей бездны», как олигархия способна довести население до уровня скота и отнять у него волю к сопротивлению и организации. Люмпен-пролетарии, в силу своего низкого идеологического уровня и положения, которое навеивает мысли только о выживании, не поднимутся на борьбу. Второе восстание социалистов, которое лишь упоминается в романе, приобрело более организованный и международный характер. Так что вряд ли стоит трактовать эпизод с людьми бездны как проявление индивидуализма, ницшеанства Лондона. В укор ему можно только предъявить, что он не попытался свести социалистов с массой, показать усилия левых по задействованию народа в борьбе.

## ВЫВОДЫ

Как оценивать произведение Джека Лондона с марксистской точки зрения? Автору удалось отразить в романе капиталистическую действительность во всём её многообразии. Персонажи «Железной пяты» — представители

определённых классов и определённых идей. Эрнест, представитель рабочего класса, является талантливым пропагандистом и активным борцом за социализм. Показаны в романе и рабочие другого толка — «рабы машин», которые слишком привязаны к своему неутешительному положению и не поднимаются на борьбу. Образы мелкой буржуазии даны в произведении для того, чтобы показать всю нищету и наивность мечты мелких хозяйчиков о «правильном» капитализме. Отражено и положение интеллигенции, которая, презрев идеалы буржуазного общества, оказывается раздавленная этим же обществом за ненужность. Главная же заслуга Лондона заключается в том, что он изобличил реакционность буржуазии и уловил новую тенденцию капиталистов к фашизации. Здесь же автор показал все мерзости капитализма: эксплуатация, расслоение общества, лицемерие всего и вся, неспособность данного экономического строя двигать человечество вперёд.

Выбранная форма произведения вызывает дискуссии. С одной стороны, «Железная пята» — реалистическое произведение в тех местах, где изображён современный Лондону капитализм (бесправие рабочих, продажность всего и вся и пр.). С другой стороны — там, где писатель рисует будущее, его роман является антиутопией (главные события книги — наступление реакции, т. е. антиутопия, но в конце концов, после нескольких веков социализм берёт верх). Хоть Лондон и придал роману такую форму, мир «Железной пяты» не отдалён от действительности, а максимально к ней приближён. Стоит ещё раз повториться, что концепция романа появилась не в последнюю очередь благодаря русской революции 1905 года и оппортунизму в рядах американских левых. Также в одних эпизодах читатель может наблюдать типичных персонажей в типичных обстоятельствах, в других же автор вносит оттенки



романтизма, особенно это касается главного героя. Ради цели романа Лондон изменил и свой художественный стиль. «Железной пяте» недостаёт живой изобразительности, глубокой проработки героев, присущей классическому реалистическому произведению. Вместо этого роман обретает публицистические черты, что увеличивает его пропагандистскую роль, но преуменьшает художественную ценность.

Джек Лондон не только отрицает капитализм, но и утверждает новое — социализм. Да, в романе отсутствует изображение строительства социализма, однако всё произведение пронизано верой в победу социализма. Можно вспомнить хотя бы тот факт, что роман открывается предисловием, которое написано человеком из будущей эры Братства людей — эры коммунизма. Также нам показаны новые люди, сражающиеся за прогрессивный строй, — Эрнест, Эвис, ещё несколько второстепенных персонажей, которые сочувствуют или открыто поддерживают социалистов. Из их уст мы слышим речи о новом устройстве общества и банкротстве капитализма. В образах социалистов мы видим самоотверженность, отвагу, коллективизм и все остальные черты, которые присущи Человеку с большой буквы. Лондон показывает людей как творцов своей истории. Главные герои, революционеры, не стоят на месте, а занимаются агитацией, пропагандой и организацией. Что касается рабочего класса, Лондон показывает его коллективную мощь в том моменте, когда пролетариат останавливает империалистическую войну путём стачки. Эти же рабочие восстают против домашних угнетателей, хоть и проигрывают. Автор при помощи героев выражает свою уверенность в классовой борьбе как движущей силе общества и убеждён, что только организованные рабочие смогут одержать победу. Лондон не теряет надежды, что дело социализма рано

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

или поздно восторжествует, и словами Эрнеста даёт ориентир на лучшее:

*«Сегодня мы потерпели поражение, но это ненадолго. Мы многому научились. Завтра, обогатившись новой мудростью и опытом, великое дело возродится вновь».*

Также важна и идейно-воспитательная функция произведения. Роман прививает классовое сознание, показывает на простых примерах противоположность интересов буржуа и пролетария. В образе же Эрнеста Эвергарда писатель соединил все черты, необходимые каждому революционеру, и потому получился герой, у которого хочется учиться. Кроме того, Джек Лондон выполнил поставленную задачу — сделал предупреждение для тех мягкотелых социалистов, что намеревались мирно достичь социализма и не встретить никакого сопротивления со стороны класса капиталистов. Надо сказать, данное предупреждение актуально и поныне: сегодня встречаются самые разные оттенки реформизма, включая недавний спектакль с Грудининым в главной роли. И марксистам следует не забывать, что как только революционное движение наберёт силу, буржуазия сразу же покажет свой волчий оскал. Железная пята — возможность, которая перейдёт в действительность, если новое поколение марксистов проявит нерешительность и недалёковидность. Да, пожалуй, можно согласиться с мнением А. Луначарского — произведение является социалистическим произведением, а некоторые недостатки можно простить Лондону, ведь он был одним из первых «буревестников».

Дорогие читатели! Изучайте творчество Джека Лондона! В нём вы найдете популярное изложение социалистических идей, критику капиталистического

## К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на революцию

строю, образы борцов за лучший мир. Занимаясь научным и художественным познанием, претворяя полученные знания в жизнь, мы способны стать достойными наследниками социалистов былых времён и приблизить эру Братства людей!



Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

### Примечания

1. Фонер Ф. [Джек Лондон — американский бунтарь](#). С.161. ↩
2. Радайкин Е. [Поиск смысла жизни вместе с Мартином Иденом](#) // LC. 2016. ↩
3. Быков В. [Джек Лондон](#). С. 101. ↩
4. Лондон Дж. [Что значит для меня жизнь](#). ↩
5. Лондон Дж. [Как я стал социалистом](#). ↩
6. Быков В. Указ. соч. С. 76. ↩
7. Стоун И. [Моряк в седле](#). ↩
8. Быков В. Указ. соч. С. 95. ↩
9. Лондон Дж. [Революция](#). ↩
10. Фонер Ф. Указ. соч. С. 144-149. ↩
11. Быков В. Указ. соч. С. 75. ↩

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

12. Стоун И. Указ. соч. ↩
13. Там же. ↩
14. Быков В. Указ. соч. С.154. ↩
15. Стоун И. Указ. соч. ↩
16. Батурин С. **Биография: Джек Лондон (1876-1916)**. ↩
17. Стоун И. Указ. соч. ↩
18. Быков В. Указ. соч. С. 155. ↩
19. Фонер Ф. Указ. соч. С. 211. ↩
20. Быков В. Указ. соч. С. 155. ↩
21. Фонер Ф. Указ. соч. С. 214. ↩
22. Стоун И. Указ. соч. ↩
23. Фонер Ф. Указ. соч. С. 200. ↩
24. Там же. С. 216. ↩
25. Там же. С. 223. ↩
26. Там же. С. 160. ↩
27. Лунина И. **Художественный мир Джека Лондона: Монография**. С. 94-95. ↩
28. Быков В. Указ. соч. С. 99. ↩
29. Богословский В. Н. **Борьба за реализм в американской критике конца XIX — начала XX века. Литературно-критические статьи Дж. Лондона**. ↩
30. Стоун И. Указ. соч. ↩
31. Быков В. Указ. соч. С. 94. ↩
32. Фонер Ф. Указ. соч. С. 161. ↩
33. Там же. С. 151. ↩
34. Горький М. **Часы**. ↩
35. **Луначарский А. Социалистический реализм (доклад)**. ↩
36. Гиленсон Б. А. История зарубежной литературы конца XIX — начала XX века.

К вопросу о мифе о большевиках и немецких деньгах на  
революцию

США. Глава XXVII. Джек Лондон: реализм, одухотворённый романтикой. ←

37. Сарматов В., Громов Д. Фашизм вчера и сегодня // LC. 2016. ←